

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ЧАСТНАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА ♦ №26 (77)

Уверенность в завтрашнем дне и надежную защиту от инфляции гарантирует Вам финансовое Обединение "ЭЛАС"

Производим размещение свободных денежных средств организаций и частных лиц на срок от 6 до 12 месяцев под максимально высокий процент:

Минимальная сумма к размещению - 100 тыс. руб.

250% годовых!

Наш адрес: 121099, Москва, 2-ой Смоленский пер., дом 3 (ст. м. "Смоленская"). Телефон: (095) 241-81-00 (круглосуточно).

Размещение рекламы в "Новом Взгляде" по тел. (095) 246-80-14.

ПЯТИЛЕТКА ЮРИЯ АЙЗЕНШПИСА

Москва, правда, 1993, 10 июля, - с. 3.

Между этими двумя интервью дистанция в полтора года. В 92-м Юрий Шмилевич "Совершенно секретно" поведал одному из нас о своем уголовном прошлом и всем, что с этим связано.

Сегодня ничего таинственного в биографии Айзеншписа уже, пожалуй, не осталось. Проще перечислить издания, которые не отметились публикациями об этой акуле шоу-бизнеса, чем называть тех, кто зарабатывает себе на бутерброд с "руководящей" зернистой, перемывая косточки Шпису. И все-таки "НВ" изменил бы себе, если бы не попытался устами своего корреспондента сказать пока не сказанное о Ю.А. Тем паче — повод имеется.

БЫЛОЕ

— Расскажи о своем первом аресте. И о том, как ты начинал пропагандировать "чужую музыку" в нештатной стране. Стране, где так уютно (по Б.Гребенщикову) служить послом рок-н-ролла.

— Это был конец 65-го. Тогда я был занесен в какие-то списки идеологических диверсантов.

— Это предположение?

— Нет. Так оно и было действительно. Круг зрителей и поклонников с каждым разом увеличивался. Мы искали все больше и больше кафе, помещений. Если на первом концерте было 50 человек, то потом мы искали кафе, которое вмещает четырехста. Один раз к нам пожаловали "гости".

— Но как ты понял, что эти люди — из КГБ? Может, они были из райкома партии?

— Нет, они показывали документы. Когда меня вызывали в горком партии — это был горком партии. А они были с Лубянки.

— Арестовал тебя комитет госбезопасности, а не милиция?

— В первый раз — да. 7 января 1970 года. Арест произошёл при следующих обстоятельствах.

Случайно встретил знакомого — Гиви. (Впоследствии он работал в милиции). Гиви предложил мне три тысячи сертификатов серии "Д" по шесть рублей. Ну, у меня было как раз с собой 15 тысяч. Там немного не хватало. Я ему говорю: "Поехали ко мне домой".

Приехали. Я сразу обратил внимание (по-скольку в то время активно занимался валютными операциями), что у моего подъезда стоит группа серьезных людей в ондатровых шапках. Ясно: работники милиции, ОБХСС или еще что-то такое.

Молча заходим в подъезд. Нас пропустили, сами пошли сюда. Поднимаюсь по лестнице (а я жил на втором этаже) и уже понимаю: попали! Смотрю, действительно: около моей квартиры еще двое стоят. Не знаю почему, но что-то заставило меня подниматься дальше, на третий этаж. Мне говорят: "Молодой человек, вы куда?" "Как куда, — отвечаю, — домой". И вдруг из-за двери слышится голос моей сестры (ей было лет двенадцать). Она говорит: "Юра, звонят, стучат, я боюсь". Я вынужден был остановиться, потому что меня сестра признала. Она сразу дверь открыла. Меня толкнули и Гиви тоже. Ну тут уже сразу грубость пошла. Нас обыскали и зачитали санкцию на проведение обыска и арест.

Ну и, короче говоря, меня вечером арестовывают. Потом везут на Петровку.

Приходит следователь, представляется: майор КГБ. Его стиль допроса был другой, чем у работников милиции. Те отличаются грубостью, напористостью, а этот сразу: "Больше расскажешь, меньше получишь". Я — в отказе. Ничего не понимаю. Вот так меня перевезли в следственный изолятор КГБ, в Лефортово. До этого я в Бутырке сидел. В 252-й камере. (Потом в последний раз я тоже в этой камере сидел).

Потом следствие, суд. Меня осудили, дали десять лет.

— А с кем сидел?

— Валютчиков обычно не сажают с валютчиками. Сперва я сидел с диверсантом каким-то: он на шахте диверсию совершил. Но с ним пребывание в камере меня угнетало: больной человек.

Следующим "пассажиром" в моем "купе" стал курант военного училища. Его за участие в военной организации "Солдаты свободы" привлекли, могли дать 15 лет.

...Государство сейчас радо — я приношу ему прибыль. Меня ведь судили не столько за валюту, сколько за рок-движение вообще. Предъявлять счет государству бессмысленно. Лежит у меня бумажка с официальными извинениями, и с меня достаточно.

Я вовсе не считал и не считало себя явлением, а просто неплохой профессионал. Ведь сейчас то же самое государство хлопает меня по плечу и говорит: "Давай, давай, Юра, молодец!" Кстати, хлопает оно, а на душе тревожно — статья та не отменена до сих пор, и завтра я не сумею доказать, что доллары заработал, а не купил. И — вперед снова по Владимирке.

НАСТОЯЩЕЕ

— На вашей визитной карточке написано: "Ген. директор продюсерского центра "АЮ". Неужели фамилии без всяких регалий по-прежнему недостаточно?

— Вероятно, действительно сегодня мое имя само по себе неплохая аттестация. Хотя в свой адрес так говорить и нескромно, но правда есть правда.

— Кроме вас, пожалуй, только Марк Рудинштейн, отсидев несколько лет за решеткой, смог так же быстро подняться наверх в светской тусовке. Айзеншпис, Рудинштейн... Вы никак закономер-

сти не усматриваете?

— Я не большой любитель распространяться на тему своей национальной принадлежности... Впрочем, и из этого я не делаю какого-то секрета.

У меня есть основания считать себя достойным сыном своего народа. Я вырос в еврейской семье. В советской. Я учился в школе. В советской. Закончил институт. Советский. Понимаю, я советский еврей. Это особая нация.

Меня постоянно окружали русские. И никогда я не испытывал по отношению к себе антисемитизма. Скажем, мне довелось работать в "закрытом" институте, изучающем космическую проблематику, иметь сверхсекретные допуски. КГБ протрунул несколько поколений моих предков. И даже то, что отец родился в Польше, не помешало моему трудоустройству.

— Словом, желание преобразиться из Айзеншписа в какого-нибудь Юрьева или Иванова не возникало?

— Мне очень нравится моя фамилия. Хотя поначалу я комплексовал, когда предстояло прийти в новый класс или трудовой коллектив. Слово "Айзеншпис" с первой попытки не то что выговорить, прочитать правильно не могли. Ничего, теперь научился.

— В детстве у вас была какая-нибудь кличка?

— Клички не приживались, просто порой меня называли сокращенно Шписом. Кстати, это слово переводится на русский как "конец". А полностью моя фамилия звучит буквально так: железный конец.

Как-то музыкальный критик Артемий Троицкий спросил у своей бабушки, понимающей по-еврейски, что означает слово "айзеншпис", чем поверг старушку в смущение.

— Вы вполне соответствуете своему имени?

— Полагаю, да.

— И многие испытывали силу этого конца на себе?

— Многие.

— Я имею в виду дебушек.

— И я их же. Только давайте не будем вдаваться в подробности, а то жена еще услышит...

— Ну а о железе характера Шписа поговорить можно?

— Я по натуре трудоголик, поэтому бездельников терпеть не могу. Спуска не даю. Ни себе, ни другим. Расслабляться нельзя. Съедаю.

Свою жизнь я могу сравнить с бегом с препятствиями. Гладкого шоссе у меня никогда не было, а преграды я, кажется, научился преодолевать достаточно профессионально.

— Монстр, акула... Эти эпитеты вам льстят?

— Всегда приятно, когда твой труд находит общественную оценку. Пусть даже и с такими определениями.

Хотя, с другой стороны, есть признания и другого рода. Например, я обладатель двух премий "Овазия" в номинации "Лучший продюсер года", лауреат премии "Профи", присуждаемой по опросу людей, работающих в шоу-бизнесе, — критиков, журналистов, музыкантов, исполнителей.

Что же до акулы, то не очень я и кровожадный. Во всяком случае, никого пока не слопал.

— Ну а нас вам слопали не в схватках с другими хищниками шоу-бизнеса?

— До физических разборок я никогда не опускался. Даже в местах лишения свободы. К слову, в тюрьме я испытал поболее, чем писатель Солженицын. Александр Исаевич сидел в среде себе подобных, я же находился не в тепличных условиях, а в самом обыкновенном лагере, носившем весьма красноречивое название "Мясорубка". Насмотрелся там всякого, беспредел администрации намного превышал те нарушения, которые позволяли себе зеки. Тем не менее я обходился без "праздников" — без синяков и осадин.

А кривой нос память о детстве. В шестилетнем возрасте мой приятель ни с того, ни с сего двинул ногой. Теперь ношу отметку о детской шалости на лице.

— Вы тогда ответили ударом на удар?

— Не помню, но драка ведь не единственный способ поставить обидчика на место. Если бы на все подожжи, которые мне делают из зависти и вредности, я отвечал ударами, то мне пришлось бы превратиться в Сталлоне и сутками махать кулаками.

— А разборка с небезызвестной поэтессой Маргаритой Пушкиной? Здесь-то вы сдерживались не стали.

— Признаться, я уже пожалел об этом. Не стоило ввязываться. Это ведь когда-то Пушкина была небезызвестная, а теперь она оказалась не у дел. С помощью же этого скандала Рите удалось развернуть шумиху вокруг своего имени.

Мне же нужно было сразу объяснить Пушкиной, чем для нее все может закончить-

ся. Когда пошли публикации с наездами на молодых и маститых музыкантов, подписанные то Айроном Мейденевским, то сиротой Фенечкой Обломовой, я позвонил Рите и спросил: "Твоя работа?" Она сначала отказывалась, а потом призналась и клятвенно пообещала впредь подобных статей не писать. На деле же Пушкина пожаловалась на меня, заявив, что я чуть ли не убить ее собираюсь. Так и разгорелся этот скандал.

— "Янг Ганз" вы называете проектом своей жизни. Слышать сегодня это несколько странно, если помнить, что в вашем активе "Кино" Виктора Цоя.

— Да, на настоящий момент ничего серьезнее "Янг Ганз" для меня нет. И это закономерно. Только так и должен работать истинный продюсер. Я поставил задачу раскрыть творческий потенциал этих талантливых ребят, и я это сделал. Считаю, эта группа уже добилась определенной популярности благодаря моему влиянию...

...и влюбанию.

— И влюбанию.

— Много влюби?

— Знаете, я такую бухгалтерию не веду. Тут экономить нельзя. Как только появляются деньги от постороннего бизнеса, я моментально вбрасываю их в топку под названием "Янг Ганз". И это не проходит бесследно. Вы, например, не обратили внимание, когда шли к моему дому, что все стены и заборы в округе исписаны двумя словами — "Янг Ганз"? Фанаты! Это верный симптом известности.

Или еще пример. На днях на дискотеке "Джамп" один крутой мужик в легком подлитоии еще до выступления отстегнул моим ребятам по двести долларов на нос плюс по столько же выдал девочкам, которых музыканты прихватили с собой. Во время выступления группы этот поклонник "Янг Ганз" выкинул на сцену миллион рублей. Это что-нибудь да значит, как полагаю?

Или еще пример. На днях на дискотеке "Джамп" один крутой мужик в легком подлитоии еще до выступления отстегнул моим ребятам по двести долларов на нос плюс по столько же выдал девочкам, которых музыканты прихватили с собой. Во время выступления группы этот поклонник "Янг Ганз" выкинул на сцену миллион рублей. Это что-нибудь да значит, как полагаю?

Народная любовь всеисильна.

— А этот крутой, часом, не ваш знакомец?

— За кого вы меня принимаете? Я такими дешевыми трюками не занимаюсь. Я этого человека впервые видел.

— И все же порой вы сознательно даете повод посядывать? Скажем, ваш знаменитый пиджак "Пожар в джунглях", купленный за семьюстами долларом? Приятно эпатировать публику?

— Вы говорите: семьсот, а одна газета вообще о пяти тысячах "зеленых" написала. На самом деле в Канны я приехал отдыхать, конечно, ходил по магазинам и покупал то, что мне нравилось. Взял два пиджака, очки, рубашки, галстук, короче, прикид. Немного зипировался. Конечно, я не долларовый супермиллионер, но мне на жизнь хватает.

— Выходя на улицу из дома, сколько вы берете денег на непредвиденные расходы?

— По-разному. Иногда у меня в кармане бывает, увы, всего 50 тысяч рублей.

— Какая сумма для вас не деньги?

— Со ста тысячами чувствую себя достаточно неуверенно. Сейчас ведь штрафы ГАИ высокие, рестораны дорогие.

— А "Вольво" у вас действительно угнали?

— К сожалению. Причем сделали это, видимо, по пьянке, поскольку угонщики вскоре попали на моей машине в аварию и авто сгорело.

— Восстанавливать бы не стали?

— Зачем? Мне друзья новую подарили. "Понтиак Боневил" модели 1992 года. Лучшая машина прошлого сезона.

— Это презент к грядущему на днях дню рождения?

— Просто людям захотелось сделать мне приятно. А подарки... Они ведь не ценой определяются. И простая открытка может доставить массу удовольствия.

ДУМЫ

— Пять лет назад, выйдя на волю после долгой отсидки, вы начинали практически с нуля?

— Да, у меня ничего не было. Ни квартиры, ни капитала. Я был пустой, как барабан.

— Если бы без раскрутки такой вес набрали, что же за следуюющую пятилетку успеете?

— Зачем загадывать? Есть планы. Железный конец не заржавел.

Андрей ВАНДЕНКО,
Евгений Ю. ДОДОЛЕВ.

Фото Сергея БЕРМЕНЕВА.

Каллиграфический текст:
ШУХРАТ А. ПАРДАЕВ